Крыло

1

2023

Апрель 2023

WWW.BAL-PUB.COM

Содержание

.

О "Крыло"

Я не могу летать в своей реальной жизни.

Мои крылья сломаны.

Я летаю только в своих мечтах, где они свободны.

От редактора

Очень часто я сталкивался с вопросом: «Почему вы выбрали русский язык в качестве своей специальности?» И мой ответ был очень прост: «Из моего интереса». Но, похоже, этот ответ не был убедительным! После окончания школы каждый, кто хочет продолжить свое образование, должен сдать вступительный экзамен. Наиболее интересными специальностями являются медицинские науки и инженерное дело. Каждый участник может выбрать 100 вариантов в соответствии со своим приоритетом, но наиболее важным моментом, заставляющим задуматься, является то, что русский язык, как правило, является последним вариантом. В большинстве случаев эта тенденция все еще доминирует среди участников.

Честно говоря, мой ответ на этот подозрительный вопрос был неясным, точнее, неполным. Я был глубоко очарован русским языком, так как всегда собирался подружиться со своими единомышленниками по всему миру. На самом деле русский язык играл и до сих пор играет для меня роль лингва франка. Моя идея была не просто субъективной, это произошло несколько лет назад в СССР, и миллионы людей были связаны друг с другом по всему миру с помощью русского языка. Язык, который был лучом надежды для меня, когда я был во тьме. Нечто большее, чем луч.

«Во дни сомнений,
во дни тягостных раздумий
о судьбах моей родины,-
ты один мне поддержка и опора,
о великий, могучий,
правдивый и свободный
Русский язык!»

У людей разные цели при изучении русского языка, но самое важное после овладения языком и знакомства с литературой, политикой, культурой - это умение выражать свои идеи в устной и письменной форме. Второе всегда было для меня важнее, и это привело меня к запуску собственного веб-сайта под названием «Bal» (Крыло), где я публикую в основном свои переводы литературных или политических произведений, которые близки моим мыслям.

Идея издавать этот журнал впервые пришла мне в голову на прошлое Рождество, когда я написал свой первый короткий рассказ, посвященный Иисусу Христу, которого я уважаю не как пророка, а как честного человека. Публикуя первый номер, я действительно надеюсь, что студенты из Ирана и других стран, интересующиеся творческим письмом, присоединятся к этому проекту, чтобы воплотить свои идеи в своих писаниях и сделать их заметными для многих других.

Напишите о своей повседневной жизни, своей стране, своей культуре, причинах изучения русского языка и обо всем, что приходит вам в голову, в форме эссе, рассказа... Прочитав мои работы, вы узнаете, что они не совершены из-за моего недостаточного знания русского языка, но это студенческий журнал, который может стать для нас мостиком к профессиональному писательству в будущем. Как говорят русские мудрые люди:

«ЛИХА БЕДА НАЧАЛО».

Бахман Болук Нахджири
Аспирант русского языка Тегеранского университета

Навруз Педрама

Был 16 марта, и Педрам должен был покинуть общежитие на следующий день в соответствии с правилами. Узнав об этих правилах очень поздно, он в последний момент попытался забронировать билет из Тегерана в Урумие, но билеты на завтра уже были распроданы, поэтому он забронировал билет на утро воскресенья. Затем он пошел в офис общежития, чтобы попросить их позволить ему остаться еще на одну ночь, но они не приняли его просьбу, подчеркнув, что они не могут нарушать закон и для студентов не будет исключений.

Педрам впал в полное отчаяние, чувствуя себя в чистилище, не имея возможности двигаться ни вперед, ни назад. У него не было ни друга, который попросил бы его остаться в его доме на одну ночь, ни родственников. На самом деле у него были родственники в Тегеране, но они были в тысячу раз хуже незнакомцев; такие лицемерные люди, которые хвалили тебя в твоем присутствии, но злословили тебя, как только ты уходил от них. Как, черт возьми, он мог обратиться к ним с такой просьбой?! Даже мысль о них вызывала у него тошноту.

Педрам предпочел находиться в чистилище, где душа страдает из-за грехов, которые он совершил в прошлом, пока еще есть луч надежды на спасение и попадание на небеса, как описывает Данте в своей Божественной комедии. Он был новичком в изучении итальянского языка в Тегеранском университете, но его итальянский был намного лучше, чем даже у выпускников. Его преподаватели были удивлены тем, что он овладел итальянским языком, а также его беглостью речи и отличным акцентом.

Но ни то, ни другое не могло помочь ему сейчас. Ему нужно было уезжать, поэтому он собрал свой чемодан и покинул общежитие в 8 часов вечера. Он думал, что мог бы переночевать на автовокзале. Там безопасно, и его никто не беспокоит, предположил он.

В 9 часов Педрам был там. Пройдя несколько минут, он добрался до крытого места, где на скамейках сидели люди и нашел место рядом с двумя стариками, которые курили. Он не был курильщиком, но в тот самый момент у него не было другого выхода, кроме как выносить сигаретный дым. Время тянулось очень медленно. Он пытался забыть о времени, занимаясь серфингом в Интернете. В полночь сон смежил его глаза.

«Внимание, внимание, быстро покидайте это место, автовокзал закрыт». Он окаменел. Куда он мог пойти в темноте ночи? У него не было достаточно денег, чтобы остановиться в отеле. Охранник автовокзала повторил это объявление и добавил: «Те, кто хочет переночевать в приюте, садятся в фургон такси». Педрам огляделся по сторонам. Несколько человек сидели на сиденьях такси. И снова он был пленен в чистилище. Может быть, это был путь на небеса, надеялся он.

Когда он приехал, то обнаружил перед собой очень старое темное здание. В тот самый момент, когда он вошел в так называемый приют, двое молодых людей, которые, казалось, были зависимы, спорили друг с другом из-за одеяла, которым можно было бы прикрыть свое тело в этой холодной большой комнате. В комнате был дешевый рваный ковер с бледными цветами. Педрам попытался осторожно найти дорогу к пустому месту, где он мог бы лечь. Продавец посоветовал ему быть осторожным со своим чемоданом и деньгами. На самом деле он намекал, что это место полно воров. Затем он дал ему порванное пятнистое одеяло. Его чуть не вырвало, но он сдержался. Он лежал на ковре, но глаза его были открыты. Один час, два часа, три часа. Больше не мог выносить эту пытку, закрыл глаза и заснул.

Педрам не знал, сколько времени проспал, но внезапно проснулся от ощущения, что кто-то крепко обнимает его. Он с трудом оторвал руки этого человека от своей груди и повернулся назад. Очень молодой человек с длинной черной бородой, от одежды которого пахло сигаретным дымом. Такая беззащитная, такая невинная, как домашнее животное. Педрам погладил его по шелковистым волосам. Некоторое время пристально смотрел на него, а затем осмотрел комнату, на этот раз более аккуратно. Там было полно мужчин молодого и среднего возраста, которые были брошены, лишены своих основных прав, оскорблены, унижены. Никому не было дела до них, когда они бродили по улице или просили милостыню на углу, но по крайней мере, они избавились от всех своих лицемерных родственников и друзей. Честность сияла в этой комнате и согревала его сердце. «Здесь не чистилище; не по Данте, а по человечеству», - подумал Педрам. Он был непосредственно вознесен на небеса.

Всходило солнце. Педрам взял свой чемодан и по спирали направился к двери, стараясь их не разбудить. Он оглянулся в последний раз, чтобы попрощаться с этим неоткрытым раем, а затем отправился в свое проклятое чистилище.

Рандеву в мечети

Я начал свою короткую поездку в Шираз два дня назад с посещения знаменитых садов и музеев, но у меня был план еще до того, как я приехал сюда. На самом деле это была моя первая туристическая поездка в другую провинцию, кроме Тегерана. В то время как я несколько раз летал в другие страны. Самыми очаровательными и вдохновляющими местами для меня всегда были церкви, монастыри и храмы в отличие от других иранцев, чьи любимые места - бары и дискотеки. Я помню, когда я был в Ереване, проходя по улице, мужчина средних лет столкнулся со мной и пригласил на дискотеку на персидском языке, но я продолжил свой путь, делая вид, что не понимаю его языка, и он обругал меня уничижительными словами. Здесь, в Ширазе, люди тоже любители выпить.

Это был третий день, и я сказал себе, что сегодня тот самый день. Я взял свой рюкзак и вышел из отеля на улицу Нобахар (что означает «новая весна»), где находилась церковь Симона Зилота. Я был полон энтузиазма и страха с тех пор, как услышал, что фотографировать священные места религиозных меньшинств запрещено и даже может привести к аресту. Когда я взял такси и попросил водителя отвезти меня в эту церковь, он посмотрел на меня вопросительным знаком.

По этой причине я включил навигатор. Через полчаса мы прибыли. Я вышел из такси и огляделся. Пройдя несколько метров вперед, я увидел мужчину перед дверью офиса журнала "Эттелаат" и попросил его показать мне церковь, но он сказал, что не знает, и бросился внутрь офиса. Я бродил по переулкам в поисках КРЕСТА, на котором было распято мое сердце. Сердце, которое качает кровь любви. Любовь, которая бессмертна, бесконечна, невероятна. Я искал и искал, но ничего не нашел. Казалось, что я заблудился. Наконец, миновав несколько переулков, я добрался до главной улицы и поймал такси. Я был в таком отчаянии, но изо всех сил старался не падать духом и попросил водителя отвезти меня в мечеть Насиролмолк. По дороге в эту мечеть я думал о том, каким мрачным будет этот день.

Мечеть была действительно очаровательной с большими стеклянными окнами разных цветов. Я снял обувь, чтобы войти в мечеть. В этот самый момент я увидел двух молодых женщин в белых хиджабах, одна из которых снимала свою подругу, которая, казалось, молилась как мусульманка. Когда я подошел к ним, то понял, что они туристы. Они разговаривали по-русски. Я достал из кармана телефон, чтобы сфотографировать, и попросил их пройти немного дальше. Они неохотно согласились. Остальные смотрели на меня, возможно, эта сцена была для них странной. Даже их переводчик, который говорил по-английски, смотрел на меня восклицательным знаком.

После окон мое внимание привлекли стены. Они были выкрашены в основном в синий цвет. Я подошел поближе, чтобы сфотографировать, и вдруг... Это было невероятно, что-то за гранью воображения. Изображение церквей, окруженных исламскими рисунками. Я целую вечность смотрел на него, погруженный в духовность, которую он придавал этому историческому исламскому месту. Она сияла, как звезда, которая ведет всех тех, кто ищет истину, тех, кто очарован любовью. Я сделал так много снимков, но все еще не мог покинуть мечеть. Я нашел там нечто бесценное, что не мог забрать с собой. Время пролетело, и мне пришлось выселииться из отеля. Итак, я вышел через выходную дверь и бросил последний взгляд на мечеть, где я встретился с тем, кого я искал. Какой невероятный РАНДЕВУ!

Почему сегодня больше не читают Горького?

Недавно меня приняли в магистратуру по русской литературе в Тегеранском университете, но мне стыдно за себя, поскольку я не могу игнорировать тот горький факт, что я глупый чужак в стране великих литературных шедевров.

Единственное, что я могу сделать, это просить копейку у джентльменов-писателей, проходящих по литературной улице, и парить в своих мечтах о дружбе хотя бы с одним из них. После четырех лет учебы в бакалавриате я смог просто перевести два стихотворения Пушкина и Лермонтова: «Узник» и «Парус». Это действительно изображает меня беспокойным узником в маленьком парусе, плавающем в бесконечном океане русской литературы, где я могу видеть только этих двух поэтов, исчезающих на горизонте. Я признаюсь, что я инвалид и отчаянно нуждаюсь в помощи. Завтра состоится первое занятие: «Русская литература 20-ого века» с лекцией доктора Омидвар. Я уже читал ее профиль раньше. Ей более 70 лет. Выпускница Санкт-Петербургского университета. Я очень хочу посетить ее занятия и в то же время так боюсь, что меня спросят, что свидетельствует о моем глубоком недостатке знаний.

Наконец-то наступает среда. Я и мои 6 одноклассников ждем в классе. Мое сердце бьется, как сердце воробья. Она входит в класс. Высокая женщина, одетая в черное, с седыми волосами, которые говорили о старых временах. Она села и начала читать лекцию. Я уставился на нее и был загипнотизирован ее речью. Через 30 минут она обратилась к одному из студентов на персидском языке. «Кто был основоположником социалистического реализма?» Я начал думать. Я слышал это имя. Я уверен. Да. «Горький», - крикнул я. Все посмотрели на меня. Что я сделал? Какой позор! Я чувствовал себя глубоко смущенным. Но она весело рассмеялась. «Правильно». И начал говорить по-персидски о социалистическом реализме, который более 70 лет был доминирующей литературной школой в России. Я не слушал. Я просто думал о ее жизнерадостном смехе в ответ на мою глупость. Может быть, я смогу выпросить у нее копейку.

Она утонута в русской литературе. Это чувствуется, когда она с таким энтузиазмом, с таким волнением говорит о произведениях Горького. И я плыву по течению ее речи, совершенно спокойный, полностью отдавшийся в ее объятия. Но она вдруг перестает петь и смотрит в окно. «Что вы думаете? Почему сегодня больше не читают Горького?» Тишина и снова тишина. «О чем говорит Горький?» Мои одноклассники наконец нарушают молчание.

- О социализме. - О революции. - О рабочих.
-А что вы думаете, молодой человек?
- Я?

«В те далекие дни, до революции, Шах и его Савак оказывали большое давление на тех, кто думал иначе, чем они, особенно на нас, которые до переворота 1953 года были членами Народной партии Ирана (Туде). В те мрачные дни все было под увеличительным стеклом, даже личная жизнь людей. Многие книги считались вредными и были запрещены. У меня был одна из них, и я тайно хранил ее у себя под подушкой. Каждую ночь она была со мной. Я не могу вспомнить, сколько раз я читал ее, но каждый раз, когда я читал ее, я чувствовал себя свободным в тюрьме, которую Шах создал для нас. Я многому научился из этой книги. В ней были изображены с таким мастерством все ценные вещи, которые я встречал в своей жизни. Я потерял связь со всеми своими товарищами, которые бежали из страны. Эта книга была единственным спутником, которого я не потерял. Ее название было «Мать». Она до сих пор у меня под подушкой. Ты хочешь ее прочитать?» - спросила бабушка.
И я читал и читал.
-А вы что думаете, молодой человек? О чем пишет Горький?
-О ... о человечестве.
И ее улыбка осветила класс и отразилась в окне.

Доктор Ахмади, Доктор Смерть

Некоторые правительства в прошлом вели себя, а некоторые до сих пор ведут себя как убежище для преступников. Но для особых типов преступников; для тех, кто их отстаивает. В эти мрачные дни некоторые иранские группировки за пределами страны и их поклонники внутри Ирана изо всех сил пытаются отбелить черное лицо тоталитарного режима печально известного и грозного диктатора Реза-шаха. С помощью проимпериалистических средств массовой информации они даже отрицают убийство тысяч невинных интеллигентов, мыслителей, политиков, активистов, студентов... Реза-шахом и его лицемерным сыном. Династия Пехлеви нажился на большом количестве профессиональных преступников, которые никогда не упускали возможности служить им всем сердцем.

В ходе демонстрации против нынешнего иранского режима молодая женщина сфотографировала себя и своего отца, что вызвало множество откликов. Но кто был ее отцом? Парвиз Сабети, безжалостный глава «САВАКА», министерство государственной безопасности Ирана времён правления шаха Мохаммеда Реза Пехлеви (1957—1979), истеричный палач политических заключенных. Ее дочь окончила университет в США, где считается страной, уважающей права человека, но, похоже, ни законы, ни учения школ и университета не оказали на нее никакого влияния. Она была окружена слепыми приверженцами режима Пехлеви. Была воспитана для того, чтобы служить тиранам и не испытывала ни стыда, ни угрызений совести.

Я помню, когда я ходила в школу, транслировался телесериал, название которого я не помню, но он был о дочери Теймурташа, которая помогла Реза Шаху свергнуть Каджаридов и прийти к власти. После многих лет служения Пехлеви, подавляя людей, особенно этнические меньшинства, Реза Шах заподозрил его и заключил его в тюрьму. Он был таинственно убит в тюрьме. После того, как Реза Шах был свергнут британским правительством, его дочь подала в суд на убийц своего отца. Все были под подозрением, особенно один мужчина, который был известен как доктор Ахмади, врач королевского двора. Дочь Теймурташа наняла адвоката, который собрал множество документов, доказывающих его вину. Имя доктора Ахмади было пугающим среди заключенных. Они знали, что того, кого он навестит, больше не будет в живых. Он делал смертельную инъекцию своим жертвам или душил их подушкой, пока они были в полубессознательном состоянии. Дочь Теймурташа выиграла дело, и суд приговорил доктора Ахмади к смертной казни. Тем не менее, имя доктора Ахмади по-прежнему ассоциируется с ужасом.

Я поискал в Интернете, существовал ли такой персонаж в российской истории, и наткнулся на имя Максима Петрова, известного как Доктор Смерть, который убивал своих пациентов, делая им смертельные инъекции. Не знаю, сколько людей в России помнят его, но в Иране имя доктора Ахмади запечатлелось в сознании многих людей как наследие кровавого режима Пехлеви. Я уверен, что эти демонстранты и дочь палача САВАКа не забыли его имени. Единственное, что они забыли, - это то, что иранцы не забыли любимых сыновей и дочерей своей родины, отдавших свои жизни за свободу, справедливость и равенство.

«Нам приказали преследовать любого, кто говорит по-русски»

До господства английского языка во всём мире советскому правительству удалось сделать русский язык лингва франка для всех рабочих, трудящихся и революционной интеллигенции мира и создать для них сильный стимул к его изучению. Во многих доминирующих странах этот язык считался вражеским языком и, поскольку судьба левых активистов была связана с тюрьмами, русский язык также вошёл в тюрьмы.

Среди политических заключённых мира, выучивших русский язык в тюрьме, можно упомянуть два примера: Манолиса Глезоса, писателя, левого активиста и символ антифашистского движения в Греции, и немца Хайнца Неймана, коммунистического активиста и редактора газеты «Красный флаг», который был арестован в 1922 году и заключён в тюрьму на 6 месяцев. Во время содержания под стражей они хорошо выучили русский язык, до такой степени, что были способны беспроблемно общаться со своими русскими товарищами без переводчика.

Иранские революционные рабочие и интеллектуалы не были исключением. Тенденция к изучению русского языка была настолько сильной, что продолжалась даже после того, как Реза-шах принял закон, запрещающий все формы социализма и коммунизма в 1931 году. Закон запрещал пропаганду и присоединение к сообществам более чем двух сторонников коммунизма и приговаривал правонарушителей к трём – десяти годам одиночного заключения.

До принятия закона около ста иранцев поступили в Коммунистический университет трудящихся Востока имени И. В. Сталина (КУТВ), чтобы изучать марксизм-ленинизм, а также изучать русский язык, который теперь считался вражеским языком.

В то время иранский режим считал этот университет школой шпионажа. Этот запрет спонтанно повлиял на русский язык и его изучение. В некоторых городах преследованиям подвергались даже простые люди, знакомые с русским языком. Джафар Пишевари, видный коммунистический активист, говорит в своей книге «Тюремные записки»: «*Например, начальник полиции Хузестана сказал: "Нам приказали преследовать любого, кто говорит по-русски". Русские книги считались "вредными книгами"*».

Бозорг Аляви упоминает воспоминание об этом в книге «53 человека»:

«...Когда их взгляд упал на мои книжные полки, они спросили:

– На каком языке эти книги?

– Персидский, французский, английский, немецкий.

– На каком другом языке?

– Может быть, и на арабском тоже.

– А что ещё?

Они имели в виду, было ли это по-русски или нет. Если бы была книга на русском языке, количество моих преступлений немедленно удвоилось бы».

В той же книге он пишет: *«...даже "История Российской империи" считалась вредной книгой».*

Джафар Пишевари пишет об этом в «Тюремных записках»: *«Кстати, из одной из моих книг вышла очень маленькая брошюра на персидском языке. Эта брошюра была одним из очень коротких произведений Толстого, и я не знаю, с какого языка перевёл его Сейед Абдул Рахим Халхали. Его название, насколько я помню, было "Делайте добро друг другу". Поскольку имя Толстого фигурировало в этой небольшой брошюре, оно вызвало подозрение полиции. Я засмеялся над этим. Это действительно вредная книга? Какой опасный заголовок "Делайте добро друг другу"?!..»*

Аналогичную ситуацию можно наблюдать в Южной Корее при правлении антикоммунистического военного режима до 1987 года. Изучать русский язык в то время было нелегко; советские печатные книги были запрещены, и даже владельцы коллекции марок попали бы в беду, если бы проявили живой интерес к советским маркам.

Записи русской классической музыки также казались политически сомнительными. В Китае после «культурной революции» учителей русского языка тоже приговаривали к принудительным работам за знание вражеского языка. В Иране сторонники коммунизма из всех слоёв общества в тюрьмах Реза-шаха, а затем Мохаммеда Реза-шаха подвергались сильному давлению, но, поддерживая свой моральный дух, они никогда не забывали учиться.

«Тюрьма действительно была для нас как школа, – пишет Алави в «Тюремных ведомостях». – *Там мы многому научились. Не только по социальным и политическим вопросам, но... Что ж, в таком случае лучше спросить, чему мы не научились? Я выучил русский язык в тюрьме, я также выучил английский...»*

Большинство политических заключённых в то время имели высшее образование и могли организовывать серьёзные занятия. Ахад Горбани пишет в статье «Любитель жизни, очарованный свободой и страстью к красоте (в память об Абу Турабе Бакерзаде)»: *«Тюремные дни проходили в дискуссиях, уроках, занятиях спортом, а ночи – в веселье и танцах. Общие занятия в тюрьме включали философию, экономику, историю искусств, историю труда, письменность, язык (английский, французский, турецкий и русский), живопись, садоводство, птицеводство и танцы (вальс, танго, азербайджанский, лезги и шалахо)»*.

Бакер Момени также упоминает в книге «В поисках опасности»: *«Он учил меня русскому языку в тюрьме под названием Зерехи и нашёл студента немецкого языка в Гезель Кала»*. Абдулла Органи пишет в своих воспоминаниях об успехах Киануri, одного из лидеров Народной партии Ирана (Туде), в изучении русского языка: «*Шесть месяцев спустя Киануri говорил по-русски так красноречиво, как будто он говорил на нём годами, в то время как другие всё ещё были новичками»*. Другим человеком, выучившим русский язык в тюрьме, был Парвиз Шахриари, который выучил его по учебнику в 1940-х годах в тюрьме Гезель Кала, а затем перевёл несколько научных книг с русского на персидский.

Несмотря на всё давление и пытки во время правления Реза-шаха, а затем Мохаммеда Реза-шаха, политические заключённые могли изучать язык, и в некоторых случаях им предоставлялись книги. Поэтому присутствие русского языка в тюрьмах всё ещё ощущалось. Но, согласно воспоминаниям политических заключённых, в режиме Исламской Республики книги в тюрьмах ограничивались религиозными книгами. Даже сегодня, когда политический климат в тюрьмах изменился, заключённым доступны только религиозные книги и исламизированные английские учебники.

Джахангир, глава организации тюрем страны, рассказал Клубу журналистов об изучении языка в тюрьме: *«Около тысячи заключённых в тюрьмах страны заучивают Коран на арабском и английском языках, и прохождение этих курсов снижает их наказание. Поэтому мотивация большинства заключённых изучать язык в тюрьмах Исламской Республики заключается в том, чтобы добиться смягчения наказания, а не в достижении идеальной цели. Таким образом, можно сказать, что вероятность внедрения русского языка в иранские тюрьмы неисламизированным способом очень мала, по крайней мере, на данный момент»*.

Кровь Сияваша

Мой отец всегда любил его. Каждый вечер он слушал «Радио Кабул» не для того, чтобы быть в курсе того, что происходит в мире, а только для того, чтобы услышать голос своего любимого поэта, который декламировал свои уникальные мелодичные стихи. Недавно он начал читать свой эпос под названием «Араш-стрелок из Лука». Мой отец познакомился с ним, когда был школьником во времена шахского режима, того самого, который подавлял всех его товарищей и заставлял их покидать страну или отправлял их в тюрьмы только из-за нетерпимости к их мирной деятельности, обвиняя их в том, что они сторонники или, лучше сказать, агенты СССР. Все шедевры советских писателей и поэтов были внесены в черный список под названием так называемых «вредных книг».

Несмотря на все это, Сияваш оставался на своей родине, высоко держа голову перед лицом очень жестокой диктатуры, которая открыла огонь по невинным людям 8 сентября 1978 года. Число людей, погибших в этот черный день на улице Жале, до сих пор неизвестно. Все еще есть матери, для чьих потерянных любимых нет могилы, где можно было бы почтить их память. «Жале была залита кровью», - так он описал этот проклятый день, и его стихотворение стало самым популярным после революции в исполнении известного певца. Эта песня транслировалась по национальному телевидению в течение многих лет и вызвала у иранцев чувство солидарности с родственниками жертв и всеми революционерами. Солидарность, которая, кажется, исчезла в эти мрачные дни. Сияваш читал свое стихотворение, и мой отец погрузился в свои мечты о лучшем мире.

Это было 8 февраля 1996 года, и мой отец вечером, как обычно, включил радио. Новость была очень короткой, но обескураживающей: «Скончался товарищ Сияваш Касраи, великий иранский поэт». Он больше не будет декламировать свои стихи для тысяч своих поклонников. Сияваш был современным Арашем, который боролся против тиранического режима Пехлеви. Тот, чьи чувства воплотились в его стихах и отозвались эхом в сердцах и разумах его читателей.

Мой отец выключил радио, достал с книжной полки его «Кровь Сияваша» и открыл ее:
«Мы были двумя волнами, плывущими по морю, двумя счастливыми волнами, полными радости, полными надежды, ...
Но однажды я потерял его в темноте ночи,...
И с тех пор я нахожусь в отчаянных поисках его в этом море, лишенном солнца».

Башу, маленький незнакомец

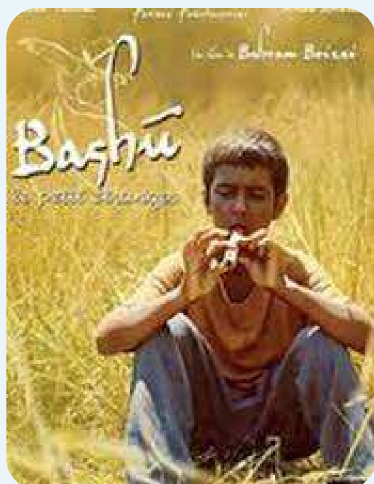
Война на истощение между Ираном и Ираком оказала сильное влияние на народы обеих стран. Многие из них потеряли свой дом и любимых и были вынуждены покинуть свои города. Бесчеловечное лицо войны всегда было привлекательной темой для писателей и кинематографистов, но Бахрам Бейзай, известный иранский режиссер, попытался подчеркнуть гуманные отношения между людьми с разной культурой и языком во время войны.

Башу, «маленький незнакомец» - это история маленького арабского мальчика, который решает бежать с юга, потеряв свой дом и семью в результате обстрела иракской армией. Он прячется в грузовике и выходит из него через много часов. Оглядевшись вокруг, он обнаруживает, что его окружают зеленые деревья и трава, чужая земля, которая сильно отличается от той, где он родился. После долгой прогулки по лесу он добирается до рисовой фермы, где работает гвиланская женщина. Женщина замечает, что кто-то тайно следит за ней.

Ей становится любопытно, кто он такой, и она оставляет ему немного еды и тайком наблюдает за ним, пока он ест рис, вкус которого был ему неприятен. В следующих сценах мы видим, что Наи (героиня фильма) заводит дружбу с Башу, маленьким незнакомцем. Черная кожа Башу непривычна для Наи, поэтому она моет его, чтобы стереть то, что она считала грязью. Но, к ее удивлению, его кожа остается черной. Что усложняет ситуацию для них обоих, так это их неспособность понимать друг друга из-за того, что они говорят на разных языках. Деревенские дети смеются над ним и дразнят его, но Башу в очень эффектной и заставляющей задуматься сцене берет с земли школьную тетрадь и начинает читать текст на персидском языке: «Мы все дети Ирана...»

Дети стоят неподвижно и смотрят на него. С тех пор они больше не беспокоят его. Деревенские жители также перестают ругать Наи за то, что она позволила маленькому незнакомцу жить с ней и двумя ее детьми. Похоже, что общий язык сделал их мир дружелюбным. Башу, который теперь принят всеми, помогает Наи дома и на рисовом поле. Наи, которая чувствует себя счастливой оттого, что нашла маленькое черное сокровище, пишет письмо своему мужу и описывает все, но ее муж в своем ответе на ее письмо выражает свое нежелание усыновить Башу, из-за чего она глубоко больна.

Башу, не зная о причине болезни Наи, начинает заботиться о ней до тех пор, пока она не оправится от болезни, хотя ей все еще глубоко грустно.

Однажды, когда Башу убирал рис, к нему подошел мужчина. Этот человек был мужем Наи, который потерял одну руку на той проклятой войне. Башу находит его отзывчивым человеком и обращается к нему как к отцу. Будучи впечатлен характером Башу, он меняет свое мнение и всем сердцем принимает его как члена своей семьи. В последней сцене все счастливы и издают звуки, чтобы напугать диких животных и держать их подальше от фермы.

И все эти дикие животные - поджигатели войны, которые вооружены до зубов и используют любую возможность, чтобы разрушить фермы мира и человечности.

Этот фильм против войны даже как последнего выбора для нации. Выбор, который никогда не может считаться священным.

Заброшенная школа

Было воскресенье, и я рано приехал из моего города в Решт. Мне пришлось идти пешком от улицы Саади до своего рабочего места. На этой улице была старая церковь, а рядом с ней - старая школа под названием Марьям (Мария). Ахурданян. Они принадлежали армянам, которые когда-то в прошлом, до революции, счастливо жили в этом городе. Теперь она была заброшена, как и церковь, звук ее колокола больше никогда не будет услышан. Стены церкви были коричневыми, а стены школы - белыми, хотя сейчас они оба были бледными. Каждый раз, когда я проходил по этой улице, меня посещала мысль, возможно ли когда-нибудь войти в церковь и школу, чтобы увидеть их внутреннее убранство, обстановку, росписи и все их имущество. В отличие от других людей, эти здания казались мне очаровательными. Я был загипнотизирован их святостью, пойманной в паутину забвения. Они напомнили мне о моих глубоких, неописуемых чувствах к Деве Марии. Тот, чье имя наполнило мое сердце спокойствием и благодарностью к Господу. И вот теперь я был перед ее благословенной школой воскресным утром раньше, чем предполагал, и кто-то в этом месте привлек мое внимание. Очень пожилая женщина, одетая в черное, с горбом на спине и бутылкой в руке. Она медленно обошла церковь и школу и облила их какой-то жидкостью. Это напомнило мне мусульманский ритуал на похоронах, когда они поливают голабом (розовой эссенцией) могилы своих любимых. И она делала то же самое, по-видимому, со своими ушедшими из жизни возлюбленными, моими возлюбленными.

Мое сердце забилось, как сердце воробья. Мои чувства вырывались из моего сердца. Кто она была? Что она там делала? Мои ноги больше не повиновались моему мозгу. Я решительно направлялся к ней.

«Да, молодой человек, это голаб, который я изливаю на эту школу, место, где родились мои воспоминания, монастырь, который хранит их нетронутыми навсегда. Я потерял всех своих любимых, и каждое воскресенье я прихожу сюда с этой бутылкой, чтобы утолить их жажду быть живыми. Я знаю, что ее дверь никогда больше не откроется, но дверь моего сердца будет открыта навсегда для таких брошенных людей, как я».

Пожилая женщина уходит, и запах голаба наполняет школу. Я прикасаюсь к ее стене, которая является святыней для меня, для всех тех, чья вера и любовь вечны.

Начало после конца

Недавно переехал в Энзели, так как я был принят в университет Азад в этом городе. «Азад» означает «свободный», прилагательное, которое было выбрано для описания неправительственных университетов в Иране. Такое заманчивое название! Но мне приходилось платить значительную сумму денег за обучение каждый семестр.

Университетский городок был прекрасен, как и сам город. По дороге в университет был парк, куда я каждый день ходил на пробежку по утрам. Мне было немного неприятно гулять по парку одному, но другого выхода не было, так как я был первокурсником и еще не подружился с другими.

По утрам в парке обычно было многолюдно, но я нашел место поближе к живой изгороди, вдали от чужих глаз, где даже птицы чувствовали себя более уютно. Хотя очень скоро я узнал, что кто-то другой открыл этот уголок рая до меня. Пожилая дама с жизнерадостной улыбкой, седыми волосами, выбившимися из-под хиджаба, и деревянной палкой. Она сидела на единственной скамейке в этом углу и смотрела на птиц, которые поедали семена, высыпавшие ею на землю.

Я подошел ближе и спросил ее, могу ли я присесть рядом с ней, чтобы перевести дух. Она повернулась ко мне и своими голубыми глазами разрешила мне. К моему удивлению, я не чувствовал смущения рядом с ней, что обычно было для меня нехарактерно. Такого спокойствия я вряд ли когда-либо испытывал. Почувствовал себя в ее тайном саду, который был скрыт от всех остальных людей в парке. Действительно не помню, сколько времени я просидел рядом с ней, казалось, что время остановилось. Наконец я встал и поблагодарил ее, но она просто молча смотрела на меня своими сияющими глазами. С того дня у меня вошло в обычай входить в ее рай и плыть по течению Нила в ее ярком саду.

Через несколько дней у меня появилось неприятное ощущение, что какие-то люди тайно наблюдают за мной, бормочут и насмехаются надо мной. Это начало мешать моему настоящему счастью в этом незнакомом городе. Однажды, войдя в парк, я неожиданно столкнулся с одним из своих новых одноклассников. Он странно посмотрел на меня, это было видно по его лицу. Потом сказал мне, что сегодня занятия отменены. Такое облегчение, потому что у нас был экзамен. Я поблагодарил его и протянул руки, чтобы попрощаться, но он спросил меня злым голосом: «К кому ты направляешься? К твоей невесте?» То, что он смеялся надо мной, в тот момент было для меня совершенно не важно. Я воспользовался случаем и спросил его, знаешь ли он ее. «Да, чертова извращенка Signora Maestra из нашего района».

«Извращенка? Но почему? Что она сделала?» «У нее была любовная связь (он употребил уничижительные слова, которые я истолковал по-человечески) с одним из ее учеников, и из-за этого ее исключили». Я просто смотрела на него, казалось, целую вечность, погрузившись в свои мысли. Как любовь может быть извращением?!

Она была там. Спокойная, как всегда. Я подошел к ней и сказал: Signora Maestra, можно мне сесть рядом с вами? Тишина. И я сел, на этот раз ближе к ней. Посмотрел на ее морщинистые руки. Сколько учеников вы обучили? Скольким из них вы нарисовали любовь? Скольким из них вы научили человечности? Я могу прочитать все ответы на твоем лице. Медленно положил свою руку на ее нежную ладонь. «Спасибо вам, дорогая Signora Maestra!»
Она посмотрела на меня и улыбнулась. И это было только начало.

.

Крыло

Поделитесь вашими мнениями насчет журнала с нами:

E-Mail : BBolouk@Gmail.com
Site : wing7.Bal-Pub.com
http://bal-pub.com/page/contact

Крыло

